

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ»

(ОКОНЧАНИЕ)

Водомеров Николай Кириллович

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет», кафедра «Экономика»
г. Курск, Российская Федерация E-mail: vodomerovnik@gmail.com

Еще одной попыткой развития категории «ценность» является раздел монографии, написанный П.С. Лемещенко. Автор вводит и разрабатывает понятие «институциональной ценности», которая, по его мнению, должна сыграть роль одного из «аксиоматических свойств» «новой политэкономии». «Институциональная ценность», по мысли автора, «приходит на смену стоимости, проявляющейся через цену производства, совокупности монопольных цен и ... системы нормативов, стандартов, брендов, трансфертов...» [с. 689–690].

Категория «стоимость», как известно, неотделима от *товаров, является их свойством, лежит, – в конечном счете, – в основе цен товаров, хотя цены, как правило, и отклоняются от точного соответствия стоимости. Поэтому сменяющая ее «институциональная ценность», видимо, – как и стоимость, – должна образовывать основу цен товаров. Отсюда следовало бы, что «институциональная ценность», – как основа цен товаров, – представляет собой нечто иное, чем стоимость. И необходимо было бы раскрыть и обосновать это отличие.*

Судя по тексту, положение автора о смене стоимости «институциональной ценностью» нужно понимать в том смысле, что цены товаров во все большей степени не зависят от стоимости и все сильнее регулируются системой институтов. С этим, видимо, можно согласиться.

Как пишет П.С. Лемещенко, «...стоимость отражает меру физической жизнедеятельности человека или фирмы, производящей услуги ...институциональная ценность ... отражает не только меру затрат, но и момент вмененных социальных ориентиров, ценностей, спекуляций ... отражает норму влияния, деятельности и контроля метакapитала остальных видов капитала, давая последним ... финансовую прибыль» [с. 697].

Для понимания категории «институциональная ценность» автор вводит понятие издержек: «... совокупные издержки/полезность отражают ценность, а, следовательно, и эффективность функционирования определенной модели хозяйствования, которой институты задают стратегическую генерацию и вместе с тем ограничения развития. Их кратко можно выразить формулой:

$TC = PC + TrC + TrCi$, где TC – совокупные издержки,

PC – производственные издержки,

TrC – трансакционные издержки по товарным операциям,

TrCi – трансакционные институциональные издержки, опосредуют институциональные трансакции реформы. Они включают не только издержки по ликвидации старых институтов, но и необходимые затраты по строительству новой институциональной системы» [с. 695].

С учетом такого определения П.С. Лемещенко приводит формулу «институциональной ценности»: «Институциональная ценность (V_i) равна: $(V_i) = PC + TrC + TrCi + Ri$. Она распадается на эти элементы, потому что она фиксирует качественную целостность общества или отдельного сообщества, группы. В конечном счете, именно данная норма, а эта есть общественная норма поведения всех участников хозяйственной деятельности и в первую очередь четко выкристаллизованных, сложившихся элементов социально-классовой структуры, определяет допустимые пределы производственных (PC) и трансакционных издержек (TrC). Это же относится и к размеру распределяемых рентных доходов» [с. 696].

Понятно желание автора подчеркнуть все большее влияние институтов на уровень цен и доходов. Однако приведенные им положения невольно вызывают вопросы:

1) Какая субстанция является в конечном счете мерой издержек – и производственных и всех трансакционных?

2) Что является источником институциональной ренты?

Думается, ответы автора на эти вопросы содержатся в следующих его положениях: «... институциональная ценность – это в высшей мере субъективированные оценки потребляемой произведенной услуги, полезные качества которой формируются или в процессе коллективного пользования или же вследствие первоначально высокого общественного признания». «Информационно-психологический образ, т.о., формирующая институциональную ценность, есть субстанция современной экономики в отличие, например, от стоимости, которая несла в себе отпечаток общественного труда во времена представителей классической политэкономии» [с. 698].

Итак, субстанцией «институциональных ценностей» (затраченных и созданных) является «информационно-психологический образ» затрат и результатов.

С такой позицией автора вряд ли можно согласиться. Прежде всего, неясно, в чем выражаются «субъективированные оценки»? Если в деньгах, то в этом случае они суть индивидуальные цены спроса на услуги? Тогда почему эти оценки должны быть совершенно одинаковыми для всех субъектов, даже для тех, кому эта услуга вовсе не нужна или даже вредна?

Кроме того, можно создавать сколько угодно «информационно-психологических образов», от этого реальных товаров и услуг и доходов не прибавится. В любой институциональной среде объем и качество создаваемых благ, – т.е. реальный совокупный доход общества, – определяется, в конечном счете, *общественным трудом, затраченным в соответствующей полезной форме.*

С помощью «информационно-психологических образов» можно лишь перераспределять создаваемые трудом доходы и приобретаемые на них товары и услуги, в том числе и между странами. Поэтому, на наш взгляд, политэкономия не должна отказываться от трудовой теории стоимости, а проследивать процессы отклонения цен от стоимости, вызванные влиянием различных факторов, – в том числе и институтов, – на этой основе – исследовать формирование и перераспределение доходов в современном обществе.

А.Д. Некипелов, отмечая наличие «порочных логических кругов» в теории предельной полезности, считает, что «К. Маркс ... предложил ... методологию, которая была призвана избавить экономическую науку от этой болезни. Ее суть – в сочетании генетического и функционального подходов при исследовании экономической системы. В развитии категорий должна была в

«снятом виде» отражаться история становления хозяйственной системы. Маркс сформулировал известный двухступенчатый принцип познания закономерностей экономической сферы общественной жизнедеятельности: движение от данного нам в ощущении конкретного к абстрактному и, на втором этапе, восхождение от этого абстрактного к уже упорядоченному конкретному» [с. 531].

Однако, по мнению указанного автора, «Марксу не удалось безупречно воплотить в своей основной работе – «Капитале» – этот принцип и уйти от проблемы «замкнутых кругов». Это особенно ясно проявилось в десятой главе третьего тома, где он поставил, но не сумел удовлетворительным способом решить проблему влияния общественной потребности на величину ценности («стоимости»). «Причина этой неудачи, – продолжает А.Д. Некипелов, – лежала в приверженности Маркса трудовой теории ценности, причем в двояком смысле. С одной стороны, Маркс, основываясь на объективной несопоставимости различных потребностей человека, считал абсолютно невозможным измерение общей степени их удовлетворения. С другой, он ошибался, когда вслед за У. Петти, А. Смитом и Д. Рикардо выдвигал труд (расходование рабочей силы) в качестве универсальной меры издержек» [с. 531–532].

Здесь следует отметить, что А.Д. Некипелов, видимо, не совсем понял логику К. Маркса. К. Маркс вначале – при исследовании стоимости и движения капитала «в чистом виде» – предполагает равенство спроса и предложения. А затем, в 3 томе «Капитала» снимает эту предпосылку и изучает влияние колебаний спроса и предложения на уровень цен. Такая последовательность анализа вполне отвечает логике восхождения от абстрактного к конкретному.

А А.Д. Некипелов ставит перед собой задачу создания «чистой экономической теории». Он пишет: «... замысел состоит в том, чтобы, отталкиваясь от ряда исходных аксиом, построить логически стройную экономическую теорию, органично включающую в себя проблемы микро- и макроуровня» [с. 533]. По замыслу данного автора, «чистая экономическая теория» должна начинать с анализа самого простого исходного пункта, а затем, – по аналогии с методом К. Маркса, – проследивать его развитие в более сложные отношения [с. 533].

А.Д. Некипелов не согласен с выбором К. Маркса «в качестве такой «исходной клеточки» категорию товара» по той причине, что «стоящая «за спиной» товара модель простого товарного обращения недостаточно абстрактна, чтобы быть исходной. ...она предполагает (а следовательно, не объясняет) существование частной собственности, разделения труда и обмена». Он считает, что «исходным пунктом должна быть максимально простая экономическая модель, описывающая особенности принятия решений о производстве и отдыхе изолированным индивидом – «Робинзоном» [с. 535].

Отталкиваясь от этой «модели», А.Д. Некипелов переходит к учету все более конкретных факторов. Он пишет: «Основными **последующими ступеньками** движения от абстрактного к конкретному являются: выявление условий для «чистого обмена» и, далее, разделения труда в рамках двухсубъектной модели «Робинзон плюс Пятница»; исследование проблем общего равновесия в условиях многостороннего натурального обмена (как «чистого», так и основанного на разделении труда); выведение института денег, которое позволяет перейти к модели денежного рыночного хозяйства, основанного на индивидуальном труде, исследовать его микро- и макроособенности» [с. 535]. По мнению указанного автора, «предложенный методологический подход ... позволяет уйти от ... ситуации, когда одни понятия приходится определять через другие понятия, которые сами еще не были раскрыты в ходе предшествующего исследования. ... появляется возможность проследить логику формирования развитых экономических институтов, а потому и глубже понять их содержание» [с. 535].

Применяя данный подход, автор пришел к следующему выводу: «Суть же ключевой проблемы, которую так или иначе стремится решать каждый человек, состоит в получении наибольшей отдачи от собственной жизни. А это значит, что мы нацелены на «максимизацию счастья» за счет рационального распределения времени жизни между различными видами деятельности, относящимися как к сфере производства, так и сфере досуга. Поэтому именно время жизни, выделяемое на трудовую деятельность, и составляет подлинное содержание производственных издержек ...» [с. 538]. Далее, основываясь на своем методологическом подходе, автор сделал еще ряд выводов, относящихся к разным экономическим категориям.

Не останавливаясь на содержании этих выводов, хотелось бы отметить, что «хозяйство Робинзона» – это хозяйство без производственных отношений. Такого хозяйства никогда не существовало. А.Д. Некипелов стремится найти сущность производственных отношений вне этих отношений. Поэтому такой подход вряд ли сможет что-то дать для их осмысления, в том числе – для понимания стоимости. Стоимость – категория товарного производства и может быть понята только в рамках товарного производства. Теория стоимости К. Маркса своим исходным пунктом имеет как раз наиболее простую, зародышевую форму товарных отношений, а затем прослеживает развитие этих отношений до наиболее зрелых форм.

Ряд авторов монографии высказался и по теории воспроизводства, являющейся, как известно, одной из важнейших составных частей политэкономии. Так, В.И. Маевский привел аргументы в обоснование вывода об ошибочности Марксовой теории переноса стоимости средств производства [с. 426–438].

Суть доводов автора вкратце сводится к следующему. Предприятие, производящее орудия труда, может выполнять «две программы»: 1) «программа А» – производство техники для себя с целью замены изношенной; 2) «программа В» – производство средств труда для других отраслей. Если предположить, что 11 месяцев предприятие работает по «программе В» и 1 месяц – по «программе А», то стоимость годового продукта труда работников предприятия будет включать в себя стоимость всей техники, выпущенной по обеим программам. Но она не будет включать стоимости изношенной техники, которой предприятие располагало к началу периода, поскольку в этом случае стоимость средств труда, возмещающих изношенные, будет учитываться дважды [с. 428].

В.И. Маевский формулирует три основных вывода:

«...во-первых, стоимость потребляемых орудий труда, установленных на машиностроительном заводе, не может входить в стоимость текущего годового продукта данного завода. Она должна постепенно умирать по мере потребления данных орудий труда;

во-вторых, вместо умирающей стоимости действующих орудий труда в стоимость текущего годового продукта входит стоимость новых орудий труда, изготовленных в текущем году на заводе по программе А;

в-третьих, таким образом, орудия труда машиностроительного завода воспроизводятся не только физически, но и по стоимости» [с. 434].

Данные выводы, по мысли автора, справедливы не только для отдельных предприятий, а для всего инвестиционного сектора (машиностроительного и строительного комплексов)

По мнению автора, ошибочность Марксовой теории состоит в том, что в ней «все потребляемые средства производства переносят свою стоимость на продукт». Он пишет: «Мы считаем, что именно в проблеме перенесения стоимости постоянного капитала и заключена Ахиллесова пята Марксовой теории воспроизводства. Его теорию нельзя называть полноценной теорией воспроизводства, поскольку она отвергает необходимость возобновления затрат

общественно необходимого труда при воспроизводстве постоянного капитала in natura». Автор считает, что «из Марксовой теории воспроизводства следует, будто стоимость постоянного капитала бессмертна ...Одно из наиболее уязвимых мест его теории таково: сохранение стоимости потребляемых средств производства в новом продукте предполагает, что прошлый труд участвует в создании нового продукта. Применительно к потребляемым средствам труда такое предположение недопустимо» [с. 435-436].

В то же время В.И. Маевский «готов поддержать» Марксову концепцию перенесения стоимости «потребляемых промежуточных продуктов, очищенной от стоимости средств труда, потребляемых в процессе создания этих продуктов» [с. 436].

Но при этом он замечает: «Строго говоря, стоимость, заключенная в промежуточном продукте, не переносится на конечный продукт. Напротив, в процессе переработки промежуточного продукта к стоимости последнего *добавляется новая стоимость*» [с. 436].

В.И. Маевский «категорически возражает» «против его [Маркса – Н.В.] центральной идеи, будто стоимость *всех средств производства (в том числе, промежуточных продуктов) не должна воспроизводиться*». По его мнению, «*стоимость всех видов средств труда является объектом воспроизводства: старая стоимость действующих средств труда умирает, появляется новая стоимость, воплощенная в новых средствах труда, затем этот процесс повторяется ... все средства производства, вопреки Марксу, воспроизводятся не только в натуре, но и по стоимости. Акты «перенесения» стоимости присущи только промежуточным продуктам, но эти акты сохраняют стоимость промежуточных продуктов лишь временно: до тех пор, пока не потреблены конечные продукты, созданные на основе соответствующих промежуточных продуктов. Стоимость любого средства производства не бессмертна, она обязательно воспроизводится, как воспроизводится его потребительная стоимость*» [с. 437].

На наш взгляд, «опровержения» Маркса, предпринятые В.И. Маевским, не имеют под собой достаточных оснований. Автор не различает два процесса: 1) создание новой стоимости, 2) перенос стоимости.

Создание новой стоимости – это расход живого труда. С ним связаны понятия переменного капитала и прибавочной стоимости: $V + M$. Перенос же стоимости имеет место, когда капитал авансируется в средства производства. Ему предшествует акт купли средств производства: $D - T$ (СП). Затем средства производства расходуются, их стоимость переносится на стоимость товара. Отсюда и понятие постоянного капитала.

В приведенном В.И. Маевским примере предприятия машиностроения сами создают используемые ими орудия труда, а не покупают у других предприятий. Стоимость этих орудий труда есть результат живого труда. Они не относятся к постоянному капиталу. Их стоимость входит в состав продаваемых предприятиями орудий труда как часть вновь созданной стоимости $V + M$. Если бы предприятия приобретали орудия труда, то их стоимость переносилась бы на товар, как и стоимость покупаемых предметов труда. Только в этом случае орудия труда были бы частью постоянного капитала.

Следует также напомнить, что, согласно марксистской теории, поскольку стоимость – это общественно необходимые затраты труда (ОНЗТ), то переносится не вся первоначальная стоимость средств труда, а только та ее часть, которая соответствует ОНЗТ. Положение К. Маркса о том, что стоимость расходуемых орудий труда не воспроизводится, отражает реальные процессы морального износа основного капитала. Положение о некоем «бессмертии стоимости постоянного капитала» противоречит теории Маркса и никоим образом из нее не вытекает.

Таким образом, очередное «опровержение» Маркса и в данном случае не состоялось.

Проблемам воспроизводства посвящена и глава монографии, написанная М.И. Зверяковым. Опираясь на марксистскую теорию воспроизводства, автор обосновывает ряд важных, актуальных, на наш взгляд, положений [с. 440–452]:

1) Недопустимость рассмотрения всех видов трудовой деятельности как равнозначных на том основании, что они дают полезный эффект.

2) Первичность материальных потребностей людей и необходимость различения производственной деятельности, результатом которой является материальный продукт, и непроизводственных, «в которых внешняя природа не является предметом непосредственного воздействия человеческого труда и где, следовательно, отсутствуют такие понятия, как средства труда, орудия производства, сам труд, направленный на видоизменение вещества природы, продукт...»

3) Включение в предмет теории воспроизводства только производственной деятельности людей, прежде всего – взаимосвязи двух подразделений общественного производства как наиболее существенной его пропорции.

4) Обусловленность денежных пропорций пропорциями натурально-вещественными, играющими основополагающую роль. Недопустимость приравнивания значения денег и материальных пропорций воспроизводства.

5) Система национальных счетов в настоящее время обладает следующими недостатками:

- отождествление счетоводства на отдельном предприятии и национального счетоводства, что недопустимо;
- не учитывает натуральную форму продуктов при измерении результатов общественного воспроизводства, что не дает адекватного отражения реальных процессов;
- не учитывает кругооборот предметов труда, отражая только изменение их запасов.

6) Модели народнохозяйственного кругооборота, используемые в макроэкономике, не отражают сущность и важнейшие пропорции общественного воспроизводства, эти модели нужно строить только на основе моделей воспроизводства общественного капитала.

М.И. Зверяков настаивает на недопустимости произвольного выделения подразделений при анализе общественного воспроизводства. Он приводит три требования, которым должны удовлетворять виды деятельности, чтобы их можно было выделить в особое подразделение общественного производства: «Во-первых, рассматриваемые виды деятельности должны охватывать процесс производства. Во-вторых, результаты данного вида деятельности должны возмещать своей собственной натуральной формой условия производства в пределах данного подразделения или в форме средств производства, или в форме предметов личного потребления, т.е. служить материальным условием воспроизводства данного подразделения. И наконец, в-третьих, в том случае, если результаты производства в пределах данного подразделения не в полной мере возмещают в натуре условия производства, они должны обладать способностью обмениваться на такие натуральные формы, которые необходимы данному подразделению и которые воспроизводят условия его собственного функционирования» [с. 441].

На этом основании автор возражает против выделения в виде особого подразделения общественного производства таких видов деятельности, как военное производство, сфера услуг, транспорт и связь, инвестиционная деятельность и др., поскольку они, на его взгляд, не отвечают всем трем перечисленным выше требованиям [с. 440–442].

В то же время М.И. Зверяков считает необходимым в качестве особого подразделения общественного производства рассматривать науку, так как она соответствует всем трем введенным им критериям: «Во-первых, это специфическая область производства, продуктом которой являются знания, на основе которых осуществляются коренные преобразования в традиционных методах производства, управлении, технологии, информации и т.д. Во-вторых, известная часть результатов этой деятельности может быть использована и используется в качестве источника возмещения ресурсов, потребленных этой сферой. И наконец, в-третьих, значительная часть результатов этой деятельности возмещает свои собственные предпосылки посредством обмена с результатами производства других подразделений» [с. 444].

На этом основании автор возражает против выделения в виде особого подразделения общественного производства таких видов деятельности, как военное производство, сфера услуг, транспорт и связь, инвестиционная деятельность и др., поскольку они, на его взгляд, не отвечают всем трем перечисленным выше требованиям [с. 440–442].

В то же время М.И. Зверяков считает необходимым в качестве особого подразделения общественного производства рассматривать науку, так как она соответствует всем трем введенным им критериям: «Во-первых, это специфическая область производства, продуктом которой являются знания, на основе которых осуществляются коренные преобразования в традиционных методах производства, управлении, технологии, информации и т.д. Во-вторых, известная часть результатов этой деятельности может быть использована и используется в качестве источника возмещения ресурсов, потребленных этой сферой. И наконец, в-третьих, значительная часть результатов этой деятельности возмещает свои собственные предпосылки посредством обмена с результатами производства других подразделений» [с. 444].

Здесь хотелось бы высказать некоторые возражения автору. Модель воспроизводства, включающая два подразделения, несомненно, выражает наиболее существенную пропорцию общественного воспроизводства. Однако она носит предельно абстрактный характер и, как справедливо отмечает сам М.И. Зверяков, непосредственно не накладывается на реальную экономику. Для понимания реальных явлений общественного воспроизводства, на наш взгляд, необходимо на основе ее изучать более конкретные черты общественного воспроизводства. А это невозможно без более детального анализа пропорций общественного производства на основе вычленения из двух подразделений тех видов деятельности, которые различаются по своей роли в общественном воспроизводстве.

Так, из I подразделения вполне обоснованно выделение в качестве особых секторов производства средств труда (инвестиционный сектор), – а в нем – производства активной части основных средств и пассивной части; – и производства предметов труда (материалопроизводящий сектор). Это позволило бы проследить процессы воспроизводства основных средств и предметов труда. Нет ничего предосудительного и во включении сферы услуг в качестве подразделения общественного воспроизводства. Услуги потребляются во всех отраслях материального производства, часть их относится на материальные затраты предприятий (услуги производственного характера), часть – к инвестиционным затратам, часть – к прочим затратам; услуги потребляются домашними хозяйствами, государственными структурами, некоммерческими организациями. Кроме бюджетных учреждений, предприятия сферы услуг находятся на самофинансировании, т.е. обменивают результаты деятельности на эквивалентные результаты деятельности других отраслей. Включение сферы услуг в анализ воспроизводства вовсе не означает признание их отраслями производства, оно необходимо для движения от абстрактного к конкретному в постижении реальных экономических процессов. В этой связи хотелось бы напомнить, что общественное воспроизводство – это не просто воспроизводство СОП, а воспроизводство общества, которое невозможно без сферы услуг.

Сам М.И. Зверяков, как уже говорилось, предлагает в качестве отдельного подразделения общественного производства рассматривать науку. Но наука – это часть сферы услуг. Результат научных исследований не является материальным продуктом. Для того, чтобы научные знания стали продуктом, они должны быть внедрены в производство. Или, чтобы давать полезный эффект, они должны быть применены в той же сфере услуг (медицине, образовании, правоохранительной деятельности, в самой науке и т.п.). Иначе они остаются просто знаниями, не приносящими полезного эффекта. Кроме того, предлагая рассматривать науку как особое подразделение общественного производства, автор не сообщает, как измерять результаты науки – затраченными деньгами, или деньгами, вырученными от продажи знаний? А если натуральными показателями, то что это за показатели?

Автор ставит очень важный вопрос об учете оборота предметов труда в процессе воспроизводства без допущения повторного счета. В результате изучения этого вопроса он предлагает формулу для измерения материальных затрат в I подразделении, лишенную на его взгляд, повторного счета стоимости предметов труда [с. 473]:

$$IC = \sum_{i=1}^n K_i P_i + \sum_{i=1}^n K_i A_i = \sum_{i=1}^n K_i (P_i + A_i)$$

«где: P_i – предметы труда i -го продукта на начало года;

K_i – число оборотов при производстве i -го продукта;

A_i – амортизация средств труда в i -й отрасли».

$$\sum_{i=1}^n K_i P_i$$

Однако если присмотреться к этой формуле, то окажется, что IC состоит из суммы обычных материальных затрат:

$$\sum_{i=1}^n K_i A_i$$

в производстве продукции i и суммы амортизации в производства той же продукции, почему-то помноженной на число оборотов капитала:

На наш взгляд, приведенная формула не лишена уязвимых мест:

1) Продуктом I подразделения могут быть предметы труда на разных стадиях производственного цикла, например, руда – металл – заготовки – детали, узлы, комплектующие – готовое изделие. Поэтому формула автора неизбежно дает повторный счет затрат предметов труда не только на готовые изделия, но и на промежуточные продукты, в нашем случае – на заготовки, детали.

2) Амортизация не относится к материальным затратам, а отражает износ основных средств. Она начисляется не на один оборот капитала, а за определенный период. Умножение ее на число оборотов капитала завышает ее уровень в число раз, равное числу оборотов капитала.

Видимо, вопрос об учете затрат предметов труда в I подразделении нуждается в дополнительной проработке.

В целом же глава М.И. Зверякова ставит фундаментальные вопросы и представляет несомненный интерес.

Теория воспроизводства затрагивается и в главе, написанной С.М. Серегиним и В.Н. Тарасевичем. Авторы предлагают выделять в структуре экономике четыре подразделения. В «единую производственную сферу» они включают, кроме традиционных подразделений (производство средств производства и производство предметов потребления), также и «социальную сферу», которая обозначается ими как I подразделение. (Соответственно производство средств производства рассматривается как II подразделение, а производство предметов потребления – как III подразделение.) Под IV подразделением авторы понимают «непроизводственную сферу», т.е. те виды деятельности, которые не вошли в первые три подразделения. «Создаваемый здесь продукт, – пишут они, – не потребляется в общественном производстве, а, следовательно, не обменивается на продукт единой производственной сферы» [с. 478].

К «социальной сфере» («I подразделению») авторы относят: науку и научное обслуживание, образование, здравоохранение, культуру, спорт, социальное обеспечение, «а также государственное управление и местное самоуправление в той части, в которой они воздействуют на экономические процессы в строгом соответствии с их объективной природой». Они полагают, что эта сфера «производит» «социальный продукт» и «обменивает» его на продукты других подразделений. По мнению авторов, «источником обмена на продукцию социальной сферы является не только прибавочный, но и необходимый продукт материальной сферы», т.е. II и III подразделений [с. 478–479].

Авторы приводят систему равенств, которая, видимо, призвана отразить структуру продуктов подразделений [с. 478]:

$$\begin{array}{ll} \text{I} & \text{П} = \text{I} (\text{C} + \text{V} + \text{m}); \\ \text{II} & \text{П} = \text{II} (\text{C} + \text{V} + \text{m}); \\ \text{III} & \text{П} = \text{III} (\text{C} + \text{V} + \text{m}); \\ \text{IV} & \text{П} = \text{IV} (\text{C} + \text{V} + \text{m}). \end{array}$$

Поскольку символы «C», «V» и «m» обычно обозначают постоянный капитал, переменный капитал и прибавочную стоимость, то получается, что все подразделения в авторской интерпретации участвуют в создании стоимости.

Далее авторы рассматривают обмен «продуктами» между подразделениями и строят соответствующие балансовые уравнения. Так, в отношении «социального продукта» они пишут: «определенная его часть ... может быть возмещена своим собственным результатом. Потребляют же работники социальной сферы *социальный продукт*. Основная же часть продукта возмещается посредством обмена с продуктом II и III подразделений. Средства производства IC₂ возмещаются путем обмена на продукт II подразделения: IC₂ ↔ IIΔ(V + m)₁. На свою *заработную плату* работники I подразделения покупают не только услуги I V₁, но и предметы личного потребления, создаваемые в III подразделении. Таким образом осуществляется обмен части услуг на часть предметов потребления: I V₃ ↔ IIIΔ(V+m)₁.

Создаваемый в социальной сфере *прибавочный продукт* используется во всех четырех подразделениях. В I – как источник постоянного обновления состава оказываемых услуг при их неизменном объеме, во II и III – как источник обновления техники и ассортимента продукции при ее неизменном объеме, а также поддержания в работоспособном состоянии совокупного работника. В обмен на Im₂ и Im₃ I подразделение получает средства производства II(V+m)₁ и предметы потребления III(V+m)₁, соответственно. Часть прибавочного продукта в виде услуг направляется на содержание непроизводственной сферы: Im₄ → IVΔV» [с. 478–479].

Аналогично рассматривается обмен продуктами II и III подразделений. Что касается IV подразделения, то, по версии авторов, оно окупается за счет части прибавочного продукта, созданного тремя подразделениями «производственной сферы». В развитие своей концепции авторы далее включают в систему балансовых уравнений экспорт и импорт, а также налоги и государственные расходы [с. 479–480].

На наш взгляд, концепция авторов требует некоторых уточнений. Неясно, например, к каким подразделениям относятся такие виды деятельности, – относимые по системе национальных счетов к услугам, – как торговля, общественное питание, услуги по ремонту транспортных средств, бытовых изделий и предметов личного пользования, транспорт и связь, предоставление коммунальных услуг (кроме относимых к промышленности). Поэтому не вполне понятен и состав видов деятельности, включенных авторами в «непроизводственную сферу».

Следует отметить также, что С.М. Серегин и В.Н. Тарасевич, по-видимому, не проводят различия между созданием продукта и оказанием услуги. Недопустимость этого, в частности, отмечал М.И. Зверяков, чья концепция была рассмотрена выше. «Продуктом» выделенной авторами «социальной сферы» в действительности являются услуги – полезные *действия*, а не полезные *вещи* (продукты). В этой сфере стоимость не создается, хотя в условиях капиталистического производства и в этой сфере функционирует капитал, присваивается – в обмен на услуги – стоимость и прибавочная стоимость, созданная в отраслях материального производства.

При этом значительная часть «социальной сферы» вообще находится на бюджетном финансировании. Это – государственное управление и местное самоуправление, социальное обеспечение, значительная часть науки, медицины, образования, культуры. Поэтому даже если под «I (C+V+m)» понимать выручку от реализации услуг «социальной сферы», под «I (C+V)» – ее издержки, а под «I m» – прибыль, то выручка «социальной сферы» не покрывает издержек, т.е. «I m» < 0. Поэтому за счет «I m» никак не может финансироваться «непроизводственная сфера», которая, кстати, – судя по тем видам деятельности, которые не включены в «производственную сферу», – функционирует в действительности как раз на условиях самофинансирования, – за счет обмена услуг на стоимость, созданную в материальном производстве.

Разумеется, значимость социальной сферы в общественном воспроизводстве велика и растет. Есть основания для выделения ее в самостоятельный сектор экономики и анализа ее воспроизводства. Тем не менее, на наш взгляд, концепция авторов нуждается в определенных корректировках, приведении ее в соответствие с трудовой теорией стоимости, раз авторы используют терминологию и формулы, принятые в этой теории.

А.А. Задоя предлагает объяснение экономического цикла с помощью категорий конфликтологии. Для того он выделяет отношения между тремя агрегированными субъектами: покупателями, их кредиторами и продавцами. Пока отношения между этими субъектами носят компромиссный характер, согласно его пониманию, идет устойчивое развитие экономики. При этом всем трем субъектам выгодно наращивать кредиты. По мере роста кредитования, – считает автор, – возникает конфликт между субъектами, который и приводит к кризису [с. 487–490]. А.А. Задоя так описывает механизм возникновения конфликта между субъектами: «...когда заемщики сталкиваются с проблемой недостатка доходов для погашения кредитов и исчерпанием возможностей перекредитования, происходит резкое сокращение возможностей для их компромиссного поведения как по отношению к продавцам, так и по отношению к кредиторам. Но у первых и вторых сформировалось поведение, ориентированное на прежний уровень спроса и «уступчивость» контрагента, обеспечивающие уровень доходности, недоступный в новых условиях. Кредиторы и продавцы достигают своего минимального уровня доходности (сформировавшегося в прежних условиях) и тоже переходят от компромиссного поведения к конфликтному. Нежелание продавцов и кредиторов идти на компромисс в изменившихся условиях воспринимается

покупателями как несправедливость обмена и распределения и усиливает их протестное поведение. Таким образом, формируются все признаки конфликта. Инциденты превратили противоречие в конфликт. Общество перешло в состояние кризиса» [с. 493].

Описанный автором механизм образования кризиса, на наш взгляд, отражает определенные поверхностные явления, свойственные экономическому циклу, но не раскрывает его сущности как периодического нарушения и восстановления объективных пропорций общественного воспроизводства, вызванного закономерностями капиталистического накопления.

В то же время представляет интерес использование автором соотношения прироста депозитов и сбережений в качестве показателя, характеризующего состояние экономики. А.А. Задоя пишет: «В каждой экономике формируется определенное соотношение между приростом депозитов и величиной сбережений. По нашим исследованиям, в украинской экономике соотношение, которое соответствует более-менее стабильному развитию, сложилось на уровне 40–45%. Если прирост сбережений становится более 50% – это означает, что масштабы кредитования опережают процессы погашения кредитов и действие денежного мультипликатора увеличивает фактическую денежную массу в обращении. При снижении показателя ниже 40% наблюдается свертывание процесса кредитования и возникновение проблемы погашения кредитов. ... Учитывая несовпадение структуры сбережений и структуры потребительских кредитов, можно утверждать, что проблемы с погашением кредита возникнут уже в том случае, если его сумма превышает 60–70% сбережений. Кредитование свыше реальных сбережений фактически представляет собой построение финансовой пирамиды» [с. 492].

На наш взгляд, приведенные положения А.А. Задоя нуждаются в дальнейшем развитии. Это связано с тем, что источниками кредитования могут быть не только национальные сбережения, но и внешние займы, а также средства, эмитированные в обращение в результате увеличения золотовалютных резервов центрального банка или приобретения им государственных облигаций.

В монографии проявились и различия в понимании авторами закономерностей развития и перспектив современного общества. По этому вопросу высказано немало точек зрения. Остановимся лишь на некоторых из них, на наш взгляд, принципиально различных.

Ряд авторов обращает внимание в основном на «постиндустриальные» тенденции развития современного общества: снижение удельного веса материального производства в численности занятых и в ВВП, повышение роли знаний (информации), сферы услуг, «человеческого», «интеллектуального», «социального», «институционального» и прочих «капиталов», «социальную ориентацию» экономики, ее «смешанность» и т.д. Будущее им видится в дальнейшем эволюционном развитии этих тенденций.

Сторонники такой точки зрения либо полагают, что рыночное регулирование эффективнее государственного планирования и ограничивают вмешательство государства в экономику лишь задачами преодоления «провалов рынка», либо ратуют за оптимальное «сочетание» плана и рынка.

Так, О.Ю. Мамедов считает «аксиомой» неэффективность государственного регулирования в сравнении с рыночным. Он пишет: «...сколько же ещё можно противиться императивам эффективной экономики, ... отрицая неэффективность государственного вмешательства в регулирование рынка, отрицая приоритет свободной торговли, попирая элементарные основы конкурентной организации экономики и не понимая необходимости беспощадной войны с протекционизмом и монополизмом?» [с. 245].

Р.С. Гринберг отмечает: «Сегодня мы присутствуем при смерти двух утопий. Первая – это утопия плана, и вторая – утопия рынка, или гармонии рынка. ... мы должны трудиться над каким-то новым образом мира» [с. 106]. По его мнению, необходимо найти оптимальное сочетание

государства (государственной политики) и рынка при трансформации экономики в рыночную [с. 118–119].

Аналогичную точку зрения отстаивает А.И. Малый [с. 705–719].

Ю.Е. Петруня, полагая, что государство должно выражать общественные интересы, изучает проблему более точного выражения государством интересов общества [с. 742–752].

А.В. Сидорович обращает внимание на следующие тенденции: «В новой системе отношений XXI века переплетение и взаимосвязь субъектов экономики приобретает новое качество, благодаря, во-первых, смешанной экономической системе, и, во-вторых, новой структуре совокупной экономической деятельности, в которой роль материального производства не просто значительно изменяется. Именно нематериальные формы деятельности приобретают новое свойство творческой причины создания богатства. Отсюда формирование целой системы новых категорий, описывающих эти отношения: человеческий капитал, интеллектуальный капитал, социальный и так далее» [с.207].

Ю.К. Зайцев и В.С. Савчук В.С. в современной экономике видят предпосылки для развития новых форм либерализма: «... в условиях динамизации процессов обобществления, социализации и глобализации экономической жизни на планете ... появляются такие принципиально новые институты обеспечения экономической свободы субъекта экономической деятельности, как коллективная собственность, коллективное предпринимательство, различные формы производственной демократии, социальной стратификации» [с. 565–566].

С.Ю. Солодовников видит перспективы общественного развития в эволюционном переходе к «посткапиталистическому». Он полагает, что «... будущее общество, сумевшее преодолеть пороки классического капитализма, будет характеризоваться следующими признаками:

- многоукладностью, с переходом частнокапиталистического уклада из доминирующего в периферийный, с сохранением его высокого предпринимательского потенциала как важного фактора общественного воспроизводства;
- нравственностью, т.е. выдвиганием морали в качестве важнейшего критерия и фактора формирования и развития международных политико-экономических отношений и национальных экономических систем;
- экологичностью, т.е. усилением экологического (природосберегающего) императива в процессах общественного воспроизводства;
- свертехнологичностью, воплощающейся в формировании в реальном секторе экономики 5–6-го технологических укладов» [с. 832].

По его мнению, «переход экономики к «посткапиталистическому» этапу развития не может не сопровождаться становлением новой формы социальной организации общества – посткапиталистического социально-научного общества. ... У класса интеллектуалов формируется новая посткапиталистическая мотивационная система, их нравственные позиции... вызывают эволюцию всей социально-экономической системы общества, делая ее все более нравственной. Мораль, социальный капитал, накопленный на всех уровнях общества, обеспечивают устойчивое развитие, национальную безопасность и высокую конкурентоспособность отечественной продукции» [с. 832].

Другая группа авторов, напротив, обращает внимание на обострение противоречий в развитии современного общества.

Так, В.Г. Бодров пишет: «... в большинстве стран мира ... формируется модель корпоративного государства элитарного благополучия, занимающегося исключительно проблемами

обеспечения сверхвысоких социальных стандартов для небольшой прослойки населения, отождествляемой, как правило, с правящим классом» [с. 684–685].

А.Г. Арсеенко и П.С. Ещенко отмечают: «... капиталистический способ производства исчерпал мирные возможности своего развития. Во избежание ядерного Армагеддона, к которому может прибегнуть капитал ради спасения старого мира, следует отказаться от всех постулатов экономикс, которые завели человечество в исторический тупик, и предложить миру новую парадигму экономического развития. ... Кризис может привести к планетарному социальному катаклизму. Над миром нависла опасность, гораздо более серьезная, чем Вторая мировая война» [с. 568].

Авторы выступают за усиление роли государства в экономике. Ускорение технологического прогресса, по их мнению, «возможно лишь на основе шумпетерианского «созидательного разрушения». В качестве обоснования своих выводов они ссылаются на опыт таких стран, как Китай, Южная Корея, Индия, Вьетнам, Таиланд, Малайзия [с. 577–578].

Те же авторы полагают, что будущей «модели развития» Украины будут присущи следующие черты:

- преодоление необоснованного социального неравенства и обеспечение равных возможностей доступа каждого к науке, знаниям, культуре, творческой деятельности;
- стратегические, научно обоснованные целевые программы и плановые решения, ориентирующие экономику и деятельность каждого человека на новейшие технологии, творческий труд и социальные идеалы жизни;
- развитый и гибкий механизм государственного регулирования, направленный на поиск наиболее эффективных решений и способов достижения поставленных целей;
- национальное государство, власть которого должна предоставлять равные права всем гражданам, защищать их на территориях всех стран» [с. 583].

Необходимо ли для этого вносить изменения в отношения собственности, авторы не указывают; хотя, на наш взгляд, для обеспечения перечисленных выше черт без таких изменений на Украине не обойтись.

Еще более резко похожие взгляды выражены О.Г. Билорусом. Он считает, что новым этапом развития империализма стал «глобализм, или глобимпериализм», который «является специфической формой современного империализма, его новой, сверхвысокой стадией» [с. 929]. «Миросистема глобализма, – пишет автор, – это система абсолютной экономической и политической власти новых глобальных монополистических корпораций, которые вышли из-под контроля наций-государств своего происхождения и базирования. Они маневрируют финансовым капиталом, обращая его на мировом рынке со «скоростью света» и, отказываясь платить налоги, усиливают эксплуатацию многих стран и регионов, в том числе и своих стран» [с. 929]. Новый империализм обладает такими чертами, что, по мнению автора, «мы стоим перед невиданным вызовом человечеству и угрозой его существования. Способно мировое сообщество предотвратить и преодолеть эту смертельную угрозу? Ответ на этот главный вопрос еще не найден» [с. 930]. Как отмечает автор, глобализм «разрушает» «социализацию» ... мировое сообщество может дорасти до социализации, только пройдя через этап глобализма, конфликты и кризисы глобализации» [с. 931]. «На первом этапе, особенно в XXI веке, будут преобладать процессы силовой глобализации со стороны политических и экономических структур стран «золотого миллиарда». Это неизбежно приведет к глубокому кризису глобализма как общественного строя. И только через этот кризис человечество выйдет на путь ноосферного развития. Потому что другого выхода для выживания и развития у него не будет. Общественный строй ноосферизма будет означать коренную трансформацию общественного производства в направлении его интеллектуализации. Институты

собственности, стоимости будут замещены институтами интеллектуальной собственности и интеллектуальной стоимости» [с. 931].

По мнению О.Г. Билоруса, «суверенные нации-государства, если они хотят выжить в условиях нового глобального империализма, могут противопоставить ему только два контраргумента – огромную социальную силу народного предпринимательства в форме малого и среднего бизнеса и конструктивный регионализм в форме высококонкурентных региональных производственно-экономических структур и комплексов» [с. 938]. «Силовая, или насильственная глобализация, – пишет автор, – как угроза национальному суверенитету увеличивает роль национального государства, как механизма противодействия агрессивной глобализма. Только государство может помешать преобразования своих граждан на «глобальных людей». В условиях неуклонного наращивания масштабов и силы глобализма главная задача наций-государств заключается в том, чтобы усиливать внутреннюю интеграцию, которая должна быть сильнее внешнего воздействия и разрушающих ударов глобализации» [с. 944].

Характеризуя общество в постсоветских государствах, включая Россию и Украину, О.Г. Билорус, отмечает: «Вместо рыночной, социально ориентированной экономики в постсоветских государствах создана только декоративная, псевдорыночная экономика грабительского дикого капитализма в интересах олигархии семейных кланов» [с. 946]. Выходом для этих стран, по мнению автора, является «эволюционный, реформаторский путь смены власти через выборы. Главной предпосылкой является пробуждение народных масс, которое уже началось. Очень важно, чтобы народ сам вернул себе и страну, и власть, и государство через борьбу с олигархатом» [с. 951]. О.Г. Билорус считает, что в России и на Украине необходимо решить задачу «реиндустриализации экономики на новой, научно-технической основе ... Для решения этой крупнейшей стратегической задачи нужно поставить развитие науки и технологий на стимулирующую рыночную основу» [с. 952–953].

Автор высоко оценивает труды М.И. Туган-Барановского, в том числе его выводы, которые касаются теории социализма. С позиций Туган-Барановского О.Г. Билорус подвергает критике советский опыт строительства социализма. Он пишет: «Вместо организации объединенного труда народа, стимулирования экономической инициативы и хозяйственной самостоятельности населения молодое социалистическое государство пошло по пути огосударствления земли, раскулачивания крестьянства, создания колхозов крепостного социал-феодалного типа, что привело к голодомору, социальной и трудовой деградации общества как в селе, так и в городе» [с. 957]. Правильным путем для России и Украины, по мнению автора, является эволюционный путь, нахождение и поддержка «рациональных соотношений и пропорций между государством и бизнесом, между властью и бизнесом. Экономика должна быть рыночной, – считает автор, – но социально ориентированной, а государство – социальным, а не олигархическим» [с. 957].

Соглашаясь с характеристиками, противоречиями и последствиями современного империализма, отмеченными О.Г. Билорусом, хотелось бы возразить автору по двум аспектам его позиции.

Во-первых, его оценка советского опыта строительства социализма крайне односторонняя и необъективная, она не учитывает исторических условий и противоречий того периода, двух пережитых войн, а также грандиозных успехов Советской власти, достигнутых как в экономической, так и в социальной сфере.

Во-вторых, предлагая переходить к «социально-ориентированной рыночной экономике», автор противоречит сам себе. Ведь империализм, по его же словам, – это «сверхразвитая» форма капитализма, а «социально-ориентированная рыночная экономика» – это тоже разновидность капитализма, – раз она основана на частной собственности, – но более слабая в сравнении с империализмом (по словам самого автора). Поэтому путь к «социально-ориентированной рыночной экономике» для России и Украины – это путь к дальнейшему усилению «глобимпериализма».

Империализм исчезнет лишь с устранением основы, на которой он вырос, – капитализма, – т.е. с переходом к социалистическому обществу, основанному на общественной собственности на средства производства. Пока сохраняется крупная частная собственность, сохраняется и власть капитала, а «народовластие» остается лишь благим пожеланием.

А.В. Бугалин и А.И. Колганов также описывают противоречия современного капитализма, который находится, по их мнению, «в процессе длительного и противоречивого «заката», ознаменовавшегося ныне глобальной гегемонией корпоративного капитала» [с. 509]. Авторы формулируют характерные черты современного капитализма:

- *«тотальный корпоративно-сетевой рынок («рынок паутин»)»;*
- *«всеобщая власть рынка как господствующей формы координации (и аллокации ресурсов)»;*
- *«переход к рынку, где господствует не покупатель, а тот, кто навязывает ему определенную систему потребностей»;*
- *«развитие глобального обобществления и информационных технологий»; «функционирование денег ... определяется глобальным (общемировым) виртуальным капиталом»;*
- *«тотальное подчинение человека капиталу»* [с. 509–514].

Несмотря на свое господство, *капитал, по мнению авторов, «вызывает к жизни две общественные силы, которые он не может до конца содержательно себе подчинить – обобществление* [в материальном производстве] *и массовую творческую деятельность* [в креатосфере], *требующих* в конечном итоге *решения двух «сверхзадач» будущего общества – планомерности* [производства] *и освобождения* [труда]. Естественно, что обе эти проблемы могут быть решены лишь при условии решения более общей «сверхзадачи» – *разрешения противоречия общества и природы»* [с. 518–519].

Авторы обнаруживают явления, свидетельствующие о «закате» «экономической формации». Они пишут: «Постиндустриальные технологии, доминирование творческой деятельности, новых «ресурсов» (неограниченно-открытых для «потребления» знаний, феноменов культуры) мотивов и ценностей ... – все это проявления «заката» эпохи доминирования материального производства, общественной экономической формации. Этот процесс уже начался в мире, хотя и идет крайне неравномерно» [с. 504–505].

«Содержательно закат экономической формации, – считают авторы, – обнажает следующие важные для социально-экономической теории тенденции. *Смена доминанты: от материальных ресурсов и утилитарных потребностей к культурным ценностям. ... от репродуктивного к творческому содержанию деятельности ... формирование человека, обладающего творческим, культурным потенциалом, новаторскими способностями, становится, с одной стороны, главной задачей, а с другой – главным средством прогресса мира, основанного на творческой деятельности»* [с. 505–508].

Не останавливаясь на более детальном рассмотрении перехода от «гегемонии глобального капитала» к «царству свободы», которое лежит «по ту сторону» материального производства, авторы рисуют картину будущего: «в «царстве свободы» формирование «человека культурного» является своего рода аналогом производства средств производства в «царстве экономической необходимости ... образование и воспитание становятся своего рода «первым подразделением» общественной деятельности в рамках мира культуры. Соответственно, деятельность по созиданию культурных ценностей как таковых, будь то деятельность ученого, художника, социального новатора и так далее – становится своего рода аналогом «второго подразделения»,

созданием непосредственных предметов, которые не потребляются, а распределяются в культурном диалоге» [с. 509].

По мнению авторов, переход к «царству свободы» означает не только замену частной собственности на общественную, но и решение задачи **«формального и реального освобождения труда, т.е. не только преодоления всех (в том числе – свойственных «реальному социализму») форм отчуждения, но и развития реально (по своему содержанию – творческая деятельность) свободного труда»**. «Адекватной для такой (творческой) деятельности, – считают авторы, – является система общественных отношений, при которых эта деятельность не может быть отчуждена, подчинена внешним по отношению к ней целям и условиям. По своей сути (саморазвитие творца в процессе создания культурных ценностей путем сотворчества) творческая деятельность не отчуждаема и не может осуществляться в рамках общественного разделения труда» [с. 507].

Социалистическое общество авторы понимают с точки зрения перехода к «царству свободы». Они пишут: «Адекватная для этого система отношений, возможных в ближайшем будущем, предполагает:

- в качестве способа координации – постепенное снятие наиболее современных форм рынка (развивающегося в «коридорах», обозначенных экологическими, социальными и т. п. нормативами), и развитие на базе международного обобществления и информационных технологий демократического контроля, регулирования и планирования, частично уже апробированных в рамках быстро растущего в глобальном мире архипелага «экономики солидарности»;
- в качестве отношений собственности – сосредоточение основных прав собственности в руках трудящихся и граждан, представляемых своими демократическими институтами...; преодоление на этой основе отчуждения работников от основных функций собственника ... в рамках различных форм собственности трудящихся ... при общенародной собственности на природные ресурсы и общенациональную инфраструктуру, всеобщей (общедоступной) – на интеллектуальные продукты и услуги образования; развитие социализма станет, следовательно, возможно по мере вытеснения отношений собственности, предполагающей капиталистическое и/или государственно-бюрократическое отчуждение работников;
- в качестве основных механизмов распределения и мотивации – соединение отношений нормативного распределения по труду и рынка с обеспечением гарантированного социального минимума и максимума, максимальной поддержки постэкономических стимулов (свободное время, творческий труд), демократического контроля снизу за распределением и «выдавливания» нетрудовых доходов (от капитала, собственности, бюрократических привилегий и т. п. через прогрессивное налогообложение и другие механизмы); предпосылкой же равноправия граждан станет общедоступность знаний, образования, культуры, здравоохранения, спорта» [с. 521].

А.В. Бузгалин и А.И. Колганов подвергают критике теорию и практику социализма в СССР, полагая, что «советская модель» социализма была «тупиковой», планомерность в СССР – «бюрократической», не было преодолено отчуждение трудящихся от результатов труда [с. 523]. Свои же взгляды они обозначают как «неомарксизм».

Картина будущего «царства свободы», в котором «творческая личность (креатор)» настолько свободен, что «творит» даже независимо (!) от общественного разделения труда, конечно же, небезынтересна. Однако на главный вопрос – каким образом произойдет переход от «гегемонии глобального капитала» к этому идеальному обществу и через какие этапы – авторы не дают ответа.

Если же оставаться на почве марксизма, то следует признать, что путь к социализму неизбежно лежит через классовую борьбу наемного труда и капитала. В этой борьбе первым важным этапом является смена классового характера государства, т.е. социальная революция, а затем – длительный переходный период, в котором созидание новой системы производственных отношений идет посредством классовой борьбы вплоть до полного преодоления социального неравенства. В ходе классовой борьбы возможны не только победы сил социализма, но и их поражения. И состояние общества в переходный период, разумеется, не совпадает с идеальной картиной «царства свободы». В нем неизбежно сохраняется государственное принуждение («несвобода») и почва для бюрократизма в государственном аппарате.

Теория социализма сегодня, на наш взгляд, должна ответить, прежде всего, на вопросы о том, при каких предпосылках власть «глобального капитала» будет заменена властью «трудящихся», каким образом это может произойти, через какие этапы будет проходить процесс становления общественной собственности на средства производства и планомерной организации хозяйства. А фантазирование насчет «царства свободы», думается, сродни домарксистским социальным утопиям XVI – начала XIX вв.

Негативную оценку социализму в СССР дает и другой автор монографии, тоже сторонник социализма М.И. Воейков. Он пишет: «в строго научном смысле назвать «советскую экономическую систему» социалистической, а тем более, коммунистической не представляется возможным. Ибо эта система, кроме некоторых внешних параметров и элементов (равенство, экономическое планирование, распределение не по капиталу и т. п.), не соответствовала по многим важнейшим пунктам классическим представлениям о социалистическом обществе: преодоление отчуждения, ликвидация эксплуатации, свобода и демократия больше, чем формальные, социальная справедливость и фактическое равенство и т.п.» [с. 293]. Автор считает, что «социализм может «победить» только в самых экономически развитых странах и в силу транснационального характера современного производства, что сегодня стало совершенно очевидным, в целом ряде стран одновременно как взаимосвязанный процесс. ... то, что было в России, логически никак не связывается с марксистским социализмом» [с. 293].

Думается, М.И. Воейков, как и предыдущие авторы, игнорирует тот факт, что установление власти трудящихся и строительство социализма шли в нашей стране в условиях тяжелейшей классовой борьбы, как с внутренними, так и с внешними силами. Огромные потери людских и материальных ресурсов в войнах – «горячих» и «холодных», значительное историческое отставание в экономической мощи – в условиях ожесточенной борьбы мирового капитала с силами социализма – сыграли в конечном счете решающую роль в нарастании деформаций социализма и его поражения в нашей стране. Перепрыгнуть из капитализма в некое идеальное социалистическое общество, минуя классовую борьбу, перегибы, жертвы, потери и прочие негативные явления, в СССР не удалось и вряд ли кому-то удастся, даже в наиболее развитых странах. Что же касается основоположников марксизма, то они, как известно, неоднократно подчеркивали, что коммунистическое общество, рождаясь из общества буржуазного, на первой своей стадии неизбежно сохраняет «родимые пятна», «отпечатки» старого общества, что требуется длительный период преодоления социального неравенства и другого «наследия» капитализма. Не отрицали они и возможность поражения социализма в той или иной стране, рассматривая переход к социализму как целую эпоху, а не единовременный акт появления на свет некоего идеального общества.

Теории социализма посвящена и глава монографии, написанная В.К. Лебедевой. Автор считает, что с развитием «автоматизированного технологического способа производства, робототехники» специализация работников должна смениться их разносторонней технической подготовкой, «парадигма разделения труда, исчерпав себя, должна уступить место новой актуальной парадигме перемены деятельности» [с. 284].

По мнению автора, «реализация перемены деятельности в общественных масштабах потребует перехода к новой плановости, при которой производство каждого товара будет осуществляться для заранее известного потребителя и, таким образом, общественная необходимость труда будет удостоверяться не апостериорно по отношению к производственному процессу, а априорно ему. Экономика, работающая не ради прибыли, а непосредственно для удовлетворения человеческих потребностей, станет отрицанием современной рыночной экономики ... Трансформация отношений собственности должна осуществляться в направлении приоритета собственности информационно связанных ассоциаций производителей, совместно планирующих свою деятельность и регулирующих распределение общественного рабочего времени по видам деятельности в сетевой системе экономических ресурсов, в том числе, трудовых» [с. 284].

В.К. Лебедева делает вывод: «Историческое и логическое триединство разделения труда, частной собственности и рыночного хозяйства уступит место историческому и логическому триединству перемены деятельности, общественной собственности и планомерно организованному производству» [с. 285].

Оригинальное обоснование преимуществ социализма перед капитализмом приводит С.С. Губанов. Автор пишет: «Капитализм есть общественно-экономический строй, затратный и расточительный в силу самой своей эксплуататорской сущности. Он требует сокращения затрат только необходимого труда и всемерного увеличения затрат прибавочного труда, ибо прибавочная стоимость и прибыль есть не что иное, как овеществленное количество затраченного прибавочного времени наемных работников. С позиции классической трудовой парадигмы всякая прибыль суть затратна, более того – тождественна прямой и косвенной убыли здоровья и жизни людей. В пореформенной России бесчеловечная природа частной прибыли подтверждается на практике с регулярностью и безжалостностью неумолимо движущегося конвейера катастроф, крушений, загрязнений и выбросов вредных веществ, пищевых отравлений, социальных конфликтов, кровавых преступлений, словом – конвейера депопуляции страны. ... Планета Земля физически не выдерживает теперь бесчеловечного молоха под названием «капитал», посылая человечеству все более и более драматические сигналы о грозящем уничтожении планетарных условий существования жизни и живого. Либо жизнь капитала и смерть планеты, либо жизнь планеты и смерть капитала – так ставит современная реальность вопрос об исторической ограниченности капитализма. Этот вопрос перестал быть чисто академическим и отвлеченным, ибо превратился, по сути, в вопрос о жизни и смерти человечества» [с. 609, 585].

Автор приводит и обосновывает основной тезис своей главы: «На смену капиталистическому присвоению история prepares **производительно-трудовое, приведенное в прямое соответствие с требованиями закона экономии времени**» [с. 601].

С.С. Губанов выделяет три формы присвоения: 1) «затратно-трудовое», пропорциональное затратам труда, свойственное простому товарному производству; 2) присвоение по капиталу, свойственное капитализму; 3) посткапиталистическое, «производительно-трудовое», т.е. пропорциональное производительности труда [с. 593–601].

Как считает автор, с точки зрения соответствия закону экономии рабочего времени, «затратно-трудовой способ присвоения стоит ниже капиталистического, а последний, в свою очередь, стоит гораздо ниже производительно-трудового, будучи отсталым и непрогрессивным по отношению к нему» [с. 601].

В качестве доказательства несоответствия капиталистического присвоения закону экономии рабочего времени автор приводит следующие аргументы: «... экономия труда подчиняется капиталом сокращению затрат необходимого труда ради увеличения затрат прибавочного. ... капитализм не отбросил затратно-трудовой способ распределения, а поставил себе на службу. С его помощью, т.е. пропорционально затратам живого труда, капитализм устанавливает заработную

плату наемных работников. Сокращение трудоемкости влечет для наемных работников понижение сдельных расценок и почасовых ставок оплаты. Поэтому повышение производительности труда в такой же мере невыгодно наемным работникам... при увеличении производительности своего труда они получают меньше, чем производят. ...если для отсталых по своему строению капиталов выгодно тянуться к передовым, то для последних невыгодно становиться еще более передовыми, зато выгодно блокировать прогресс отсталых и препятствовать росту их технического строения. ... капитализм не знает прямых стимулов к прогрессу производительных сил и довольствуется только косвенными, окольными, побочными. Прогресс движется лишь постольку и в той мере, в какой служит накоплению стоимости и возрастанию капитала. ... стоимость, в том числе вновь созданная, понижается по мере роста реальной производительности труда, по мере реального прогресса производительной силы общества. Вследствие этого капитализм ставит в непримиримое противоречие производительность труда и стоимость. Данное противоречие может быть разрешено только заменой капиталистического присвоения производительно-трудовым. При капитализме оно неразрешимо ... Объективные ограничения коренятся в самом антагонизме между трудом и капиталом, в антагонизме между классовыми интересами наемных рабочих и капиталистов. Рост производительности общественного труда понижает стоимость, как товаров, так и применяемого капитала, подразделяемого на постоянный и переменный. Под действием растущей производительности понижается также стоимость рабочей силы. ...Но пока рабочая сила остается на положении товара, ее носители не заинтересованы в уменьшении ее стоимости. ... Исходя из своих экономических интересов, взятых в специфически капиталистической оболочке, наемные рабочие не столько содействуют, сколько противодействуют тому, чтобы прогресс производительной силы общества напрямую и в соразмерной пропорции становился приростом производительности общественного труда. ...Поскольку в ходе капиталистического присвоения от работников отчуждаются и условия, и результаты их труда, у них нет и не может быть прямой заинтересованности в развитии реально достижимой производительности труда» [с. 601–609].

Присвоение же пропорционально производительности труда, по мысли автора, непосредственно отвечает закону экономии рабочего времени, «содержит в себе как раз прямые стимулы к трудосбережению и прогрессу, к непрерывной экономии рабочего времени. ...Общество, основной закон которого предписывает накопление экономии живого труда, а соответственно – действие производительно-трудового способа присвоения, будет напрямую заинтересованным в абсолютном и безостановочном прогрессе трудосбережения, в безграничном развитии своей производительной силы» [с. 612]. «Но и такое общество, – считает автор, – еще не вершина социально-экономического прогресса. Оно стоит выше капиталистического, и тем не менее также является всего лишь переходным к исторически самому высшему. На вершине формационного прогресса история поставит такое общество, которое живет по закону свободного времени как по основному своему экономическому закону, регулируется нормой свободного времени, имеет своим экономическим базисом общественное воспроизводство, а значит и накопление свободного времени как времени, расходуемого на превращение науки в непосредственную производительную силу общества» [с. 612].

Характеризуя ближайшее будущее, С.С. Губанов считает, что «в передовых индустриальных странах оно характеризуется все более явственным вступлением на исторически последнюю стадию развития капиталистической формации – стадию государственного капитализма. Начала и отношения госкапитализма будут укрепляться с каждым новым кризисом, распространяясь вширь и вглубь. А госкапитализм означает не что иное, как первое отрицание капитализма, вырастающее еще в недрах капиталистического базиса. За первым отрицанием в скором времени последует второе, уже решительное и бесповоротное. Норма прибыли канет в прошлое, уступив господство норме свободного времени человека».

Оценивая критику капиталистического присвоения С.С. Губановым как в целом достаточно обоснованную, все же хотелось бы отметить, что его концепция присвоения по производительности

труда, на наш взгляд, недостаточно проработана. Не совсем понятно, как это присвоение соотносится с распределением по труду – одним из основных принципов распределения в социалистическом обществе, является ли распределение по труду «затратно-трудовым»? Не ясно, как автор предполагает соизмерять производительность труда работников, занятых качественно различными видами деятельности. Должны ли коэффициенты пропорциональности производительности труда быть одинаковыми для всех видов деятельности или дифференцированными? Если дифференцированными, то как они должны устанавливаться? Неясно и то, как должно происходить присвоение работниками, занятыми не в сфере производства, а оказанием услуг. Должны ли коэффициенты пропорциональности учитывать качество услуг, каким образом?

Ряд авторов монографии предлагает меры по возрождению российской экономики. Наиболее детально проработанные и системные меры содержатся в главе, написанной С.Ю. Глазьевым [с. 79–104]. Они нацелены на достижение опережающего технико-экономического развития России и охватывают все основные факторы, способные ускорить этот процесс: от науки и образования до производства наукоемкой продукции и функционирования денежно-кредитной системы. Предлагаемые меры означают значительное повышение роли государства в экономике в разных формах: от мер стимулирования до стратегического планирования и прямого участия в финансировании экономики. Автор подчеркивает необходимость существенного изменения государственной экономической политики, поскольку, как он пишет, «в рамках прежней либеральной и монетаристской макроэкономической политики реальная антикризисная стратегия выработана быть не может. Задачи преодоления кризиса невозможно, как показывает мировая практика, решить только через свободный рынок капиталов, тем более такой маргинальный как наш» [с. 89].

Комплекс мер, разработанный С.Ю. Глазьевым, на наш взгляд, при его реализации смог бы существенно улучшить положение в российской экономике.

Необходимость государственного стратегического планирования для решения задач освоения шестого технологического уклада подчеркивает и другой автор монографии Б.Н. Кузык [120–137], с чем трудно не согласиться.

Важнейшее значение в развитии современной экономики играют инновации. Ускорению инновационных процессов посвящены главы, написанные Ю.Н. Бажалом [с. 851–864], В.П. Вишневым и В.В. Дементьевым [с. 865–884]. Авторы выступают за повышение роли государства в развитии инновационной деятельности.

Оригинальный проект изменения государственной экономической политики предлагает В.Л. Макаров. В современном обществе он выделяет «следующие социальные кластеры:

- 1) Соцкластер предпринимателей, или деловых людей.
- 2) Соцкластер военных (защитников Отечества).
- 3) Соцкластер госслужащих (служителей Отечеству).
- 4) Соцкластер ученых, учителей, врачей.
- 5) Соцкластер представителей культуры и искусства.
- 6) Соцкластер священнослужителей» [с. 777].

По мысли автора, в «**соцкластер предпринимателей или деловых людей**» «входят не только деловые люди, ...но и те, кого мы называем наемными работниками в этом самом предпринимательском секторе. Наемные работники могут и не иметь духа предпринимательства. Они просто зарабатывают деньги в этом секторе. Им не важно, где работать, главное зарабатывать

побольше. Следует иметь в виду, что наемные работники могут быть и в других социальных кластерах. Там они могут получать различные ранги в зависимости от успешности деятельности» [с. 777].

Автор считает, что «в настоящее время в мире (но не в России) лидерство захватил соцкластер предпринимателей. При лидерстве этого соцкластера можно выделить одну особенность... Речь идет о повышенном уровне агрессивности, стремлении подчинить себе другие соцкластеры». В результате, как полагает автор, другие «соцкластеры» коммерциализируются и начинают уходить от достижения тех целей, для которых созданы [с. 778–780].

Для преодоления этих негативных тенденций В.Л. Макаров считает необходимым обеспечивать «принцип равноправия социальных классов» [с. 780]. Для его соблюдения автор предлагает перейти к «проектной экономике», построенной на «рационализации распределения благ» [с. 780–798]. По мысли автора, это позволит создать условия, при которых людям разных социальных кластеров при выполнении их миссии будет гарантирована достойная жизнь и они не будут «стремиться к зарабатыванию денег».

Как считает автор, проекты, по которым должна функционировать экономика, «должны гарантировать выполнение и обеспечение норм, положенных всем рангам соцкластеров. ... исполнителям проекта прописываются в самом проекте поощрения всех типов, зависящие, естественно, от качества результатов... Общество устанавливает нормативы потребления для всех рангов во всех соцкластерах, за исключением предпринимательского, в котором, как предполагается, формальных рангов не имеется» [с. 787].

В.Л. Макаров подробно описывает механизм предлагаемой им «проектной экономики». Он ожидает, «что наибольшее значение индекса счастья обеспечит соцкластерное общество, естественно, с тщательным учетом особенностей каждой страны» [с. 798].

Думается, что предложенный автором проект так и останется проектом, поскольку деление автором людей на «соцкластеры» игнорирует их классовые различия и противоречия интересов, а роль государства, – как и его возможности по проектированию развития экономики и рациональному распределению, – идеализируется.

В то же время другой автор монографии А.Е. Худокормов выражает некоторый скептицизм относительно позитивной роли государства в экономике России. Он пишет о полемике, «разгоревшейся в отечественной литературе между «государственниками» (С. Глазьев, Г. Фетисов и др.) и нераскаившимися «ультрарыночниками» (А. Кудрин, С. Гуриев, В. Мау, Е. Ясин). Которое из направлений лучше? По нашему мнению, «оба хуже», ибо дело не в том, у кого больше провалов – у российского рынка или российского государства. Дело в общей негодности российской элиты. И пока она остается такой, как сейчас, нам с нефтяной иглы не соскочить и в макрорегион научно-технического прогресса не вступить. С сегодняшним качеством элиты мы в мировом хозяйстве останемся на вторых, а, возможно, и на третьих ролях, причем, как с экономикой огосударственной и квазиплановой, так и с экономикой сугубо рыночной и антиэтатистской» [с. 60].

По нашему мнению, точка зрения А.Е. Худокормова не лишена истины. Пока власть сращена с крупным капиталом и обслуживает его интересы, – как это имеет место в современной России, – ждать серьезных изменений в векторе развития страны не приходится. Для подлинного возрождения России, на наш взгляд, необходимы подлинное народовластие и государственное планирование экономики в интересах большинства народа.

Соотношение власти и собственности исследуется в главе, написанной Р.М. Нуреевым. Автор пишет: «Собственники факторов производства и бюрократическая и военная машина образуют ...

нерасчлененное целое. Не экономическая сфера определяет политическую, а политическая экономическую» [с. 720]. По мнению автора, в современной России «благополучие отдельных представителей господствующего класса всецело зависело от их места в иерархии государственной власти, от той должности, которую им удалось получить, продвигаясь по служебной лестнице... не власть определяется собственностью, а собственность властью, т.е. положением человека в государственной иерархии ... Происходит трансформация института выборов, появляются черты авторитарного режима, когда власть концентрируется в одних руках. Ограничивается конкуренция и усиливается политический и экономический монополизм. Эти тенденции не только сохранились, но заметно усилились в последние годы» [с. 741]. Свои выводы автор обосновывает с помощью анализа результатов выборов в России.

На наш взгляд, сращивание власти и крупной собственности в России налицо. Крупная собственность сформировалась непосредственно в результате решений, принимаемых государством. Однако в настоящее время во взаимодействии власти и собственности все же определяющую роль играет крупная собственность. Ее интересам в основном подчинены основные решения власти, а не наоборот, не деятельность крупного капитала продиктована государственными интересами. Это проявляется во множестве фактов: непрекращающийся гигантский отток капитала, «посадка» России на «газонефтяную иглу», содержание налогового и трудового законодательства, урезание бюджетной сферы и т.д.

Несомненный интерес представляют результаты исследования долгового характера современной экономики, проведенного К.А. Хубиевым. Автор выделяет следующие особенности современных кредитных отношений: «К началу XXI века долг из отдельного «агента сопровождения» превратился в существенный фактор, как роста экономики, так и ее кризисных явлений, в том числе и глобальных. Во-первых, последний финансовый кризис получил специфику долгового кризиса. ... Во-вторых, резко возросли его масштабы... его неуклонный рост за последние годы. В-третьих, кредиторами развитых стран стали относительно менее развитые страны. ... долг как экономическое явление превратился в существенную черту современной экономики, т.е. из производного явления он «ушел в основание» экономической системы, определяя важные черты воспроизводственного процесса. В этой связи современную экономику можно характеризовать как долговую» [с. 613–614].

Анализируя причины долгового кризиса, характерного для достаточно большого числа стран, автор приходит к выводу: «Долговой кризис является следствием экономического кризиса. ... Именно экономический кризис и, в особенности его фаза спада производства, резко сокращает возможности для выполнения долговых обязательств. ... к причинам долгового кризиса, следует отнести социально деформированное распределение доходов... Государственный долг в данном случае выступает компенсатором ассиметричного распределения национального дохода и причиной долгового кризиса». В связи с социально деформированным распределением автор указывает и на «противоречие между производством и потреблением как одну из главных причин кризиса, в том числе и долгового» [с. 628]. К.А. Хубиев также анализирует «структурную перестройку экономики под воздействием долга». Он пишет: «В зависимости от того, куда будет направлен этот специфический по источникам спрос [долг – Н.В.], будет зависеть изменение отраслевой структуры экономики. Если государство предъявляет спрос за счет долга на военную продукцию, импульс развития получит ВПК. Если государство предъявит спрос на развитие экономической инфраструктуры (дороги, порты, электричество, газ и т.д.), то создаются условия для развития гражданских отраслей. Если через долги повысится спрос населения на потребительские товары, то, соответственно будет развит потребительский сектор. Самым важным для инновационного развития экономики и ее модернизации является направление активов долгового происхождения на источники новых технологий» [с. 630].

В связи с долговым кризисом, – считает автор, – «возникает вопрос о критическом пороге нависания финансового сектора над реальным, когда последнему окажется непосильным давление груза опережающего развития рынка вторичных активов» [с. 630]. Вместе с тем К.А. Хубиев обращает внимание на следующий небезынтересный факт: «За счет долгов вся Европа в существенной степени подняла уровень жизни, провела модернизацию экономики (в отличие от многих других стран, которые и долгов не имеют, но имеют более низкие стандарты жизни и технологии). Благами жизни взаимы пользовались все, а расплачиваются некоторые» [с. 633].

На наш взгляд, интерес читателей могут вызвать и содержащиеся в монографии результаты исследований проблем международной миграции (авторы – И.М. Ильтьо, Б.В. Ференс, В.Я. Шибко) [с. 836–840]; вопросов детенизации экономики (И.И. Мазур) [с. 841–850]; взаимосвязи экономического развития и демографических процессов (В.В. Белоцерковец) [с. 885–912]; а также новаторские подходы, проявленные О.И. Ананьиним при анализе соотношения теоретической и прикладной науки [с. 248–276]; Е.А. Завгородней, предлагающей новое научное направление – неосологию [с. 913–928].

Выше мы остановились далеко не на всех вопросах, обсуждаемых в рецензируемой книге, и позициях ее авторов, а только на тех, которые сочли наиболее важными. Целый ряд точек зрения, подходов, постановок проблем, содержащихся в монографии, остались за пределами данной рецензии. В своих оценках мы не претендуем на истину в последней инстанции, хотя и сочли необходимым их высказать. Надеемся на развитие полемики по рассмотренной проблематике.

В целом рецензируемую монографию можно охарактеризовать как зеркало, отражающее широчайший спектр современных политэкономических разработок, ведущихся на Украине, в России, Белоруссии и Казахстане. Мы рекомендуем ознакомиться с ней всем, кого интересует современное состояние разработки теоретических проблем экономической науки в этих странах.